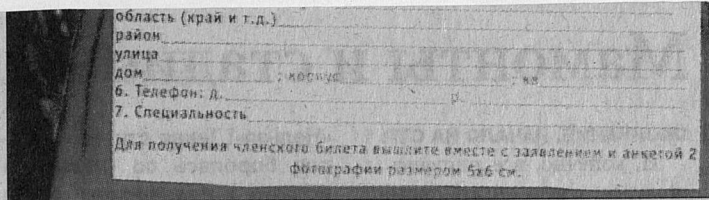

Основной вопрос психологии искусства – для чего нужно телевидение? По умолчанию его существование оправдывается тем, что «все действительно разумно» – мол, люди смотрят, вот оно и существует. Но отчего-то

россии, которая одна только и может чего-нибудь стоить, нас отделяют четыре препятствия: ложное понимание силы, ложное понимание гуманизма, обожествление денег и отсутствие религиозного вдохновения.

ОКОНЧАНИЕ НА СТР. 2

Да, смерть. А вы думали, что жизнь хорошая?

Мамонты и стадионы

Валерий Золотухин: «Я – артист, играю какого-то писателя...»

НГ Экспресс (прил. к Независимой газ.) —
2003. — 26 июня. — с. 12

Валерий Сергеевич Золотухин родился 21 июня 1941 года в селе Быстрый Исток Алтайского края. Окончил отделение музыкальной комедии ГИТИСа. Сорок лет работает в Театре на Таганке под руководством Юрия Любимова. Снимался во многих известных фильмах. Как писатель дебютировал в журнале «Юность» в 1973 году повестью «На Исток-речушку, к детству моему». Народный артист России. Член Союза писателей Москвы. Недавно вышел в двух томах его «Таганский дневник» (М.: ОЛМА-Пресс, Авантитул, 2003). Об этом и о многом другом – в разговоре Валерия Золотухин с писателем Юрием Кувалдиным.

– Я по вашему приглашению, Валерий Сергеевич, попал на предпремьерный просмотр спектакля «До и после». Любимов замкнул со-

Кувалдин и Золотухин вспоминают «время Лужников».

Фото автора

рок лет (тетраэдр) гениальным «Черным квадратом». Я обомлел, когда, только войдя в зал, увидел на сцене «Черный квадрат» Малевича. – Да, «Черный квадрат» Малевича стоит, как погасший эк-

ран компьютера, на нашей сцене. И потом он расцветает красно-бело-черными клоунами, бесчисленными Пьеро и Арлекинами. Трагедия черного передается через образ Анны Ахматовой. Черные «маруси»

НКВД. Мандельштам: «Только детские книги читать, только детские думы лелеять...» И я выхожу в образе Иосифа Бродского, и мизансцена построена квадратная, я ритмично хожу по квадрату и читаю: «...И, значит, не будет толка / от веры в себя да в Бога... / И, значит, остались только / иллюзия и дорога. / И быть над

дней, которые потрясли мир», где кто во что горазд, актеры сами что-то сочиняли, подбирали песни и стихи. Я смотрю старый спектакль «Микрорайон», идет актер по сцене с гитарой и поёт: «А тот, кто раньше с нею был...»

Это из доллюбимовского периода – спектакль Петра Фоменко с Алексеем Эйбоженко,

Мы совпали с литературой

землей закатам, / и быть над землей рассветам. / Удобрить ее солдатам. / Одобрить ее поэтам».

– Валерий Сергеевич, вы когда пришли в театр Любимова?

– Если 23 апреля 1963 года считается днем рождения театра Юрия Любимова, то я пришел через месяц. На Таганке все бурлило. Начинались «Десять

и пел он какого-то автора, неизвестного мне. И через несколько дней я узнаю, что автор – вот этот актер театра, человек в буклетном пиджаке, Владимир Высоцкий. А еще был Вознесенский... Вознесенский тогда был для нас просто гений. Помню, когда я еще учился в институте, то вырезал «Треугольную грушу» из газет на стендах на улице!

Что бы там ни говорили, но Вознесенский – это для театра просто революция. Он открыл поэтическую линию театра. Да, Любимов воплотил. Но принес это все Андрей Вознесенский. Мы совпали с литературой. Я видел: вот сидит Высоцкий, я у него за спиной, я вижу, я слышу его спину, его дыхание. И вижу, как он слушает Вознесенского! Мне тогда казалось – от этого не отрекаюсь и сейчас – что Высоцкий учится! Тут все дело в том, что Высоцкий очень быстро все схватывал, прямо на ходу. Дар – это, безусловно, не обсуждается, но еще и воспитание уха и языка, развитие. Ведь без развития художник – не художник.

У нас была высокая литература – в Театре на Таганке. Брехт, второй спектакль был «Герой нашего времени», неудачный спектакль, но литература какая! Потом «Антимиры», и пошло-поехало! То есть театр в этом смысле был литературным институтом.

ОКОНЧАНИЕ НА СТР. 2

Мамонты и стадионы

ОКОНЧАНИЕ. НАЧАЛО НА СТР. 1

И, конечно, все ринулись к столу, все стали писать. Высоцкий, Смехов, Демидова, Золотухин... Это бурлило! Время Лужников. Я тут был на 70-летию Андрея Андреевича Вознесенского. Говорили, что театр теперь не тот. А как он может быть тот, когда рубль другой! Время другое. Наш зритель ждет нас уже там, на кладбище. Но я про другое. Когда говорят, что не читает сейчас публика, я не верю. Хотя понимаю, что стадионы – это вымершие мамонты или даже ихтиозавры! И даже думаешь, как это могло быть вообще?

– А спокойно могло быть под гнетом одного безликого мнения объединившихся примитивов. Страна называлась:

«Нельзя!» Такая страна, которая боролась со Словом в прямом и переносном смысле, устоять не должна была. И она рухнула в одночасье, и никто ее не пошел защищать. Мы же из стадного периода вышли! Из одной трубы пили, из тоталитарной.

– Именно. И когда смотришь на хронику Гитлера, то понимаешь, как слово действует на массы, как оно способно собирать такие толпы и куда вести! Понимаете, слово Адольфа и слово Андрея Вознесенского? Пусть меня простит писатель и читатель, но это совпадает. А сейчас другое время. Когда мне говорят, встречая: «Мы вас любим, Валерий Сергеевич. Вы тот еще актер! Какие были актеры – Миронов, Золотухин, Леонов...» Я

думаю: черт подери, а нынешний Миронов что, хуже того Миронова? Да ни хрена подобного, просто время другое, манера другая, все другое! Не надо сетовать по этому поводу.

Недавно меня пригласили на одну халтуру в Баден-Баден. Я стал читать «Дым» Тургенева. И не мог оторваться. Он умудряется одну шею описывать через три-четыре страницы, каждый раз по-новому, и каждый раз у тебя мурашки любовные по всему телу пробегают, холодок щечечет темя, как говорил Мандельштам! И я понимаю Достоевского, который говорил, что, если бы у него были такие условия, как у Тургенева, то он писал бы не хуже Тургенева. Однажды Юрий Петрович Любимов, кивая на меня, сказал: «Этот с Вы-

соцким исправляет текст Можеева, литературой вдруг чего-то занялся...» Очевидно, я человек, которому нравится писать – просто так, не задумываясь, что и зачем. Екатерина Вторая, говорят, с самого утра садилась к письменному столу. Я к тому же еще и зажигаю свечку «Театр». Да, да. Я устраиваю по этому поводу спектакль. Я – артист, играю какого-то писателя, может быть, даже непризнанного, но, безусловно, гениального. Не читаю то, что пишу. Завтра я не буду помнить ничего из написанного сегодня. И это меня забавляет. Вдруг, когда вся тетрадь будет исписана и я все-таки начну ее читать, наткнулся на строчки, которые мне понравятся. ■

**Беседовал
Юрий Кувалдин**

Армагеддон Попс

ОКОНЧАНИЕ. НАЧАЛО НА СТР. 1

Мы отождествляем силу со знанием – и при этом признаем пропасть, лежащую между знанием (в формах науки и прогресса) и гуманизмом. Таким образом, гуманизм неизбежно отождествляется нами со слабостью. Как при этом не скомпрометировать власть и представить ее вершительницей справедливости? Нужно обезличить силу, придать ей вид денег. Это не власть, а деньги решают – что показывать по телевизору 22 июня.

Противостоит силе денег только сила оружия. Третьего не дано, и если Лимонов изберет путь силы, его скорее всего ждет новый срок. А если он изберет путь таланта, его перестанут воспринимать всерьез. Ведь это именно лимоновский «Эдичка», цинично выставлявший напоказ отсутствие добродетелей, приучил нас к мысли о том, что талант не имеет ничего общего с нравственностью. Поэтому в таланте нет и величия. Лимонов-писатель отличается от Ба-

яна Ширянова только тем, что сидел в тюрьме за борьбу, а не за характер своего дарования.

Пару лет назад обвиняемый сейчас в «порнографии» Кирилл Воробьев пытался похоронить свой прославленный псевдоним. Увы, ему оказался не по плечу путь святости. Хватит ли сил у Лимонова на то, чтобы преодолеть себя и избавить свою партию от шлейфа «Эдички»?..

Сегодня мы радуемся тому, что «отпустили писателя». Но

всего за месяц до того, как это случилось, нацболы Алексей Голубович и Евгений Николаев были осуждены за драку с милицией. До них нам дела нет, и никакой Институт философии РАН, подписавший оправдательное экспертное заключение по делу Ширянова, им не поможет. Как не помогла телевизионная запись, согласно которой именно эти двое милиционеров не избивали. «Если теорема верна, не важно, как ее доказать». ■